

Ли Сяньфу еще не знал, как там дела у Кон Егуя, да и некогда ему было сейчас об этом думать.

Цинь Цзинь, до этого сидевший с опущенными веками, словно дремал, приоткрыл глаза:

— На меня не отвлекайся. Там уже все в сборе, так что сейчас самый подходящий момент спросить то, что тебя интересует.

Машину нужно было кому-то вести обратно, и в салоне кроме Цинь Цзиня никого не было, так что им не приходилось подбирать слова.

Ли Сяньфу взглянул на него и слегка нахмурился:

— Это подождет.

— Чем дольше тянешь, тем больше проблем.

Цинь Цзинь, скрестив руки, откинулся на спинку сиденья и после этой фразы добавил:

— Высади меня прямо здесь, я пересяду в машина позади.

Ли Сяньфу в итоге прислушался к его совету. Хотя Кон Егуй первым напал на людей, держать его под постоянным надзором целой толпы телохранителей тоже было не дело.

Машина Ли Хуайчэня ехала следом. Увидев, что Ли Сяньфу разворачивается и уезжает, он удивленно вскинул бровь.

Цинь Цзинь помахал ему неповрежденной рукой. Под предлогом того, что впереди стоят камеры фиксации, он не позволил Ли Сяньфу позвонить по телефону, а сам теперь стоял на обочине с изможденным видом. Ночной ветер раздувал порванный стрелой рукав, придавая его облику некую болезненную жалкость.

— Что произошло? — Ли Хуайчэнь припарковался у обочины, но вопрос задал Старик Ли.

— У него возникли срочные дела, — с порывом ветра Цинь Цзинь прижал кулак к губам и несколько раз кашлянул.

Когда столь властный человек проявляет слабость, это неизменно вызывает у окружающих сочувствие.

Старик Ли не был исключением. Как-никак Цинь Цзинь получил ранение, спасая его сына, а теперь его бросили посреди дороги — отцу семейства стало даже неудобно перед ним.

Покашливая на каждом шагу и слегка растирая пальцами виски, Цинь Цзинь сохранял этот страдальческий вид вплоть до самого возвращения на виллу.

Ли Шаша смотрел образовательный канал. Вскинув взгляд и увидав эту сцену, он просиял:

— А игра-то какая! С такой актерской работой наша пьеса обречена на успех!

Очевидно, он все еще размышлял о спектакле «Продать себя, чтобы похоронить отца».

Цинь Цзинь ровно смерил его взглядом и, прежде чем сесть, оперся о спинку стула.

Старик Ли на этот раз не принял сторону внука и укоризненно произнес:

— Не паясничай. Он получил эти раны, спасая твоего отца.

— ...

Ли Шаша пожалел, что со своим зорким взглядом так и не обрел — под чутким руководством Ли Сяньфу — исполненного буддийской благодати милосердия.

...Цинь Цзинь же просто-напросто решил закосить под Линь Дайюй!

К сожалению, его здравомыслящий отец в этот момент отсутствовал, так что все эти колкие мысли пришлось держать при себе.

Тем временем Ли Сяньфу вернулся в горный лес. Впереди ярко светилося окно дома, разгоняя жутковатый мрак ночного леса.

Кон Егуй находился внутри под охраной. Хотя руки и ноги у него не были связаны, под присмотром двух дюжих телохранителей он не смел даже шелохнуться.

Увидев вошедшего Ли Сяньфу, он мгновенно задрожал как осиновый лист.

«Чистая совесть черта не боится», — Ли Сяньфу осознал, что в глазах этого человека он и был тем самым чертом.

Вытягивать сведения из человека с нестабильной психикой — дело чересчур хлопотное и выматывающее. К тому же, чем больше говоришь, тем выше риск ошибиться: если тот поймет, что у него провал в памяти, обязательно попытается воспользоваться лазейкой.

— Учитывая все твои прежние проделки, этого с лихвой хватит, чтобы ты с комфортом провел остаток дней в психиатрической лечебнице, — чеканя каждое слово, Ли Сяньфу специально выделил слово «с комфортом».

Губы Кон Егуя затряслись, будто угроза Ли Сяньфу готовилась исполниться прямо сейчас.

Окинув комнату взглядом, Ли Сяньфу достал из шкафчика бумагу с ручкой и положил перед Кон Егуем.

— В школьные годы за проступки учителя заставляют писать объяснительную, — улыбнулся он. — Напиши и ты. Если искреннее раскаяние произведет на меня хорошее впечатление, я закрою глаза на прошлое.

Кон Егуй недоверчиво спросил:

— Правда?

Ли Сяньфу мгновенно ожесточился лицом:

— Но если самоанализ окажется неубедительным, психиатрическая лечебница распахнет для тебя свои двери в любую погоду.

Он всегда держит слово. Вот только прощенное «прошлое» ограничится лишь временным отрезком до конца средней школы, а недавнее нападение с арбалетом — это уже совсем другой разговор.

Пока Ли Сяньфу стоял рядом, руки Кон Егуя ходили ходуном, и он не мог вывести ни строчки.

Видя это, Ли Сяньфу решил выйти на улицу, по дороге раздумывая: неужели в прошлом он совершил нечто такое, что оставило в душе Кон Егуя неизгладимый кошмар?

Понимая, что быстро тот не напишет, Ли Сяньфу не стал ждать и перед уходом дал указание телохранителям:

— Написанное им никому не показывать. Включая вас самих.

Конфиденциальность и беспрекословное подчинение — основа профессиональной этики в их сфере. Иностраннный охранник кивнул:

— Будьте уверены.

После всех этих хлопот Ли Сяньфу вернулся домой уже ближе к полуночи.

В гостиной царила тишина: похоже, все уже легли спать. Поднявшись на второй этаж, он заметил тусклый лучик света, пробивавшийся из-под двери комнаты Ли Шаша.

Ли Сяньфу постучал.

— Войдите.

— Почему не спишь так поздно? Чем занимаешься?

Ли Шаша поднял голову:

— Пишу сценарий для пьесы.

Во всем, что касалось работы с текстом, он всегда стремился к перфекционизму.

Ли Сяньфу подошел, взял листки и окинул взглядом. Его губы тут же дернулись:

— Ты хоть немного от руки пиши, придай буквам индивидуальности.

Идеально четкий печатный шрифт выглядел так, словно текст отпечатали на принтере.

Ли Шаша с готовностью принял замечание и кивнул.

Тут Ли Сяньфу заметил у него под локтем еще один блокнот:

— А это что еще такое?

— Эссе.

Ли Сяньфу раскрыл его, и его лицо постепенно омрачилось.

«Появится отчим — появится и второй отчим», «Появится зять — появится и отчим-дедушка»... Под каждым заголовком тянулись длинные рассуждения.

Ли Шаша с серьезным видом заявил:

— Цинь Цзинь весь день притворялся Линь Дайюй и пошатнул мое положение в семье.

— Но ты же у нас единственный ребенок, — беспомощно вздохнул Ли Сяньфу.

— И то верно, — подумав, согласился Ли Шаша и тут же сменил тему: — Когда мы начнем репетировать пьесу? Я хочу, чтобы это стал мой актерский дебют.

— ...

— Репутация гениального ребенка в будущем может заставить меня управлять корпорацией. Чтобы избежать этой участи, я обязан проявить себя в другой сфере.

Вспомнив сюжет с «Продать себя, чтобы похоронить отца», Ли Сяньфу схватился за голову:

— Сойдет и так себе, без фанатизма.

— Спустя рукава нельзя, — серьезно возразил Ли Шаша. — Дедушка очень поддерживает мои мечты стать режиссером. Он сказал, что в день премьеры пригласит кучу родственников и друзей, чтобы нас поддержать.

«...» Вдруг до жути захотелось отказаться от роли.

От автора:

Ли Шаша: Папа, напиши автобиографию, я потом по ней фильм сниму.

Ли Сяньфу: ...Спасибо, воздержусь.

На следующий день жара у Цинь Цзиня как не бывало.

Он больше не стал поддаваться сиюминутному порыву и притворяться немощным; случившееся совпало с выходными, и он безмятежно отдыхал во дворе с выражением умиротворения на лице.

Когда вещи обретают особый смысл, смотришь на них совершенно иначе. Раньше Цинь Цзинь, как и многие, недолюбливал чересчур пышные и яркие цветы, а теперь, глядя на них, губы его самопроизвольно трогала улыбка.

Когда Ли Сяньфу спустился во двор с цитрой, его взгляд лишнюю секунду задержался на Цинь Цзине, на губах которого играла тихая улыбка.

Ни один из них не обронил ни слова.

Длинноволосый мужчина с цитрой в руках и успешный предприниматель в лаконичной одежде — их разделяло целое море цветов, словно разделявшее эпохи, но при этом в их облике проглядывала странная гармония.

Редкое мгновение тишины прервал звонок телефона.

Цинь Цзинь выпрямился. Он почти не говорил — лишь изредка подавал короткие звуки, побуждая собеседника продолжать, — и не прошло и минуты, как сам завершил разговор.

Видя, что инициатива в разговоре целиком принадлежала ему, Ли Сянфу подумал, что звонил телохранитель, и спросил:

— От Кон Егуя есть новости?

Цинь Цзинь, о чем-то задумавшись, отозвался с некоторой задержкой и только потом сообразил:

— Ох... Еще нет. По дороге он еще пытался сбежать под предлогом похода в туалет.

Ли Сянфу не стал беспокоиться: Кон Егуй не отличался душевной стойкостью, так что через пару дней, скорее всего, опустит руки.

Перед Ли Сянфу Цинь Цзинь не стал скрывать своих чувств: свет, горевший в его глазах от любования цветами, заметно угас, уступив место довольно мрачной тени.

Ли Сянфу спросил:

— Проблемы в компании?

Сказав это, он и сам себе не поверил: буквально на днях в новостях передавали, что компания Цинь Цзиня разработала новый вычислительный алгоритм, благодаря чему ее рыночная стоимость, по прогнозам, должна вырасти еще на тридцать процентов.

— Это моя мать.

— ...

Цинь Цзинь никогда прежде не упоминал родную мать, и Ли Сянфу до этого момента полагал, что ее нет в живых, раз тот хранил такое молчание.

Сопереживание часто строится на сходстве судеб, и Ли Сянфу быстро понял: в процессе взросления Цинь Цзиня роль матери не играла сколь-нибудь значимой роли.

На мгновение он замешкался, не зная, стоит ли расспрашивать дальше или же перевести тему.

<http://bllate.org/book/18300/1757393>